УДК 32.019.5

МЕДИЙНОСТЬ КАК ОСОБЕННОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Маринович Анна Николаевна,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина,
Институт социальных и политических наук,
аспирант кафедры политических наук,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: anna.marinovich@urfu.ru

Аннотация
В статье рассматриваются тенденции медийности политических процессов. Описаны изменения, которые происходят в политике с развитием информационно-коммуникационных технологий. В заключение делается вывод, насколько исключительное значение в современной политической системе приобретает информационно-коммуникационная подсистема.

Ключевые понятия:
политический процесс,
медийность,
информационные технологии,
Интернет.

Средства массовой информации в различные исторические периоды, так или иначе, воздействуют на политические процессы в силу того, что оказывают существенное влияние на мнения, политические предпочтения, соответственно, на поведение граждан. СМИ задают не только модели политического поведения, но и содержание социокультурных ценностей, политико-идеологических ориентаций, установки в сознании общественности, и таким образом создают ощущение легитимности власти и принимаемых ею решений, являясь также серьезным инструментом для сглаживания или выявления политических проблем или урегулирования различных форм конфликтов или противоречий.

Исследователи, изучающие роль информации в конце XX – начале XXI в. сходятся во мнениях, что СМИ играют важную роль, однако расходятся в оценках, насколько она значима в политических процессах. Иными словами – стала ли возросшая роль информации и медиа причиной серьезных общественных трансформаций и в соответствии с этим причиной появления общества нового типа, или значимость медиа преувеличена. Первая группа теоретиков – Г. Шиллер, М. Альетт и А. Липиц, Д. Харви, Э. Гидденс, Ю. Хабермас и Н. Гарнжм – полагает, что современный тип общества является продолжением уже существующего, а возросшие объемы и скорость передачи данных не оказали серьезного влияния на политические процессы. Вторая группа исследователей – Д. Белл и его последователи-теоретики постиндустриализма, Ж. Бодрийяр и М. Постер, М. Пайор и Ч. Сейбл, Л. Хиршхорн, М. Кастельс, – считают, что современное информационно-технологическое развитие сравнимо с промышленной революцией и появлением общества нового типа. Вышеперечисленные исследователи также расходятся в представлениях о последствиях информационных и коммуникационных изменений. Одни сравнивают новое общество с идеальным, полагая, что рост образованности и постоянное обучение станут основой для создания профессионального и понимающего по отношению к своим членам общества. Другие полагают, что трансформации приведут к антиутопии – усиленному контролю со стороны правительства; третьи, что на людей обрушатся сообщения, реклама, отвлекающая информация, что станет причиной политической пассивности граждан и нежелания разбираться в происходящих

процессах. Такие теоретики, как к примеру Э. Тоффлер, предвещают угрозу, полагая, что современное человечество переходит к новой технологической революции, а третья волна сверх индустриальной цивилизации повлечет новые конфликты и глобальные проблемы.

Современные исследователи, рассматривающие роль информации в рамках пространственного подхода (Л.В. Сморгунов, А.С. Шерстобитов, Г.В. Градосельская, И.И. Кузнецов, Е.Е. Семенов, В.Л. Римский, А.П. Кочетков, М. Кастельс), акцентируют внимание на развитии информационных коммуникаций и сетей, которые связывают различные места и повлияли на организацию времени граждан и политику. Нам представляется, что с развитием информационных технологий, которые стали повсеместной и неотъемлемой частью жизни, общество претерпевает фундаментальные изменения. Согласно докладу Всемирного банка, «мы переживаем величайшую информационно-коммуникационную революцию в истории человечества» [2, с. 5]: 46% населения Земли (2016 год) – 3,42 млрд – имеют доступ к Интернету, 2,3 млрд из которых – активные пользователи социальных сетей [1]. При этом количество людей, которые выходят в Интернет, ежегодно увеличивается на 200–300 млн человек: так, в 2013 году пользователей было 2,7 млрд человек, в 2015-м – 3,2 млрд[2]. Таким образом, к 2020 году число устройств, подключенных к Сети, может составить 4,7 млрд При этом информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) распространены не только среди средних и богатых слоев населения, но и «в беднейших 20% домохозяйств мобильный телефон есть почти в каждых 7 из 10» [2, с. 5] – это больше, чем число домохозяйств, имеющих доступ к туалету или чистой питьевой воде. Вместе с тем увеличивается количество времени, которое человек проводит в Интернете, а «каждые два года удваивается»[3] и объем информации.

Подобное «информационное давление», на наш взгляд, привело к изменениям в сфере политических процессов и международных отношений. Правительства различных стран, осознав, что тот, кто управляет информационными потоками и ресурсами, тот обладает властью, изучают данный феномен и посредством Интернета и массмедиа оказывают воздействие на граждан не только своих стран, но и других государств. В данном случае интерес представляет практика формирования «внутреннего» общественного мнения с точки зрения регулирования Интернета правительствами Китая и США, в некоторой степени арабских стран. В КНР государственная политика ориентирована на цензурирование «чайнанета»: применяется фильтр «Золотой щит» [5, с. 89], который закрывает доступ к сайтам, удаляет нежелательный контент, проверяет письма пользователей. В Штатах предпринимаются действия по слежке за целевой аудиторией: государственная политика направлена на сбор и обработку данных об активности пользователей социальных сетей и не только. И.В. Сурма отмечает, что в 2012 году США «отвергли концепцию монолога, то есть одностороннего распространения информации, и перешли к так называемому диалогу, или «слушанию» (listening), что обеспечивает быструю связь, а затем и быструю реакцию США на формирующееся общественное мнение пользователей Сети» [7, с. 223]. Специалисты Госдепартамента, Центра открытых источников ЦРУ и Министерства внутренней безопасности изучают персональные данные пользователей социальных медиа [6, с. 142], данные поисковиков таких популярных сайтов, как Wikipedia (какие правки вносят пользователи), анализируют общественное мнение и оказывают влияние на целевую аудиторию через дальнейшее манипулирование лентами новостей в поисковиках и социальных сетях, в особенности во время протестных движений и митингов. Данная практика правительства США применяется не только в Штатах, но и по отношению к гражданам других государств. Правительства таких стран, как Ливия, Сирия, мнение пользователей медиа столь активно не изучают; доступ к Интернету и мобильной связи, в особенности во время общественных волнений, попросту ограничивается.

Примечательно, что представители власти активно используют медийные возможности и интернет-технологии не только для контроля и изучения общественного мнения, но и для выстраивания коммуни-

[1] Digital in 2016 [Electronic resource] // We are social. 2016. 27 января. URL: http://wearesocial.com/sg/special-reports/digital-2016 (дата обращения 23.07.2016).

[2] Global ICT developments [Electronic resource] // ITU (International Telecommunication Union). 2016. URL: http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx (дата обращения 23.07.2016).

[3] Александр Жаров: к 2020 году доля полезных данных составит 35 процентов [Электронный ресурс] // Вести. 2016. 18 июня. URL: http://www.vesti.ru/videos/show/vid/683068/# (дата обращения 23.07.2016).

кации с гражданами, активного формирования образа публичных, открытых к диалогу политиков, что, в свою очередь, способствует созданию ощущения транспарентности власти. Выстраивание коммуникации происходит не только с гражданами собственной страны, но и с представителями власти и общественностью других государств. К примеру, сотрудники пресс-службы Белого дома только в Twitter ведут 80 официальных аккаунтов[4], публикуя по несколько постов в день и таким образом постоянно рассказывая о работе госслужащих не только представителям СМИ, американцам, но и всем, проявляющим интерес к работе администрации.

Немалый интерес с точки зрения использования медийных технологий представляют предвыборные кампании президента США Б. Обамы 2007 и 2012 годов, когда политтехнологи использовали Интернет и как рекламную площадку, и как площадку для сбора средств. Через Интернет обе предвыборные кампании Б. Обама устанавливал и рекорды по сбору пожертвований от частных лиц (в 2012 году он собрал 934 млн долларов, 68% которых составили частные взносы: больше половины всех пожертвований менее 200 долларов[5]). Усовершенствовали Интернет-технологии в предвыборной кампании 2016 года Д. Трамп и Б. Сандерс. Штаб Б. Сандерса организовал из Интернет-фолловеров команду волонтеров, «насчитывавшую около 50 тыс. человек и способную выполнять любую работу»[6]. Также при помощи Интернета политики привлекали онлайн-доноров, и за первые четыре дня кампании собрали 3 млн долларов в результате 75 тысяч взносов (каждый в среднем по 43 доллара)[7].

С точки зрения формирования общественного мнения иностранных граждан, как правило, прибегают к практике использования информационно-коммуникационных технологий через то, что сегодня обозначают как цифровая дипломатия [11] – термин, подразумевающий использование медиа и социальных сетей в политических целях, для влияния на мнение зарубежной аудитории, или «твитпломатия» [4, с. 48], «мягкая сила», «информационное противостояние» и прочее. Как справедливо отмечает М. Лебедева, «игнорировать транснационализацию, активность международных НПО, распространение социальных сетей сегодня не только невозможно, но и нерационально. Дипломатическая деятельность в этих новых условиях становится гораздо сложнее и многообразней» [6, с. 46]: международное информационное воздействие и коммуникация происходят как на уровне руководства отдельных стран, так и на уровне граждан. Широко известными примерами являются революции на Ближнем Востоке, во время которых медиа использовали в качестве инструмента при организации протестных движений и общественных волнений. В личной переписке Х. Клинтон, опубликованной Wikileaks, указано, что арабским активистам в организации протестов в Египте и не только помогли американские официальные структуры[8], что в свою очередь можно рассматривать как коммуникацию между правительством одной страны и гражданами другой с привлечением СМИ и социальных медиа.

С другой стороны, важной тенденцией информатизации общества стало то, что, несмотря на различные Интернет-ограничения со стороны властей и способы манипулирования общественным мнением, политические процессы стали более публичными, медийными, а граждане, имеющие круглосуточный доступ к информации, всегда вовлечены в происходящие политические события. ИКТ предоставляют возможность общественности выражать различные взгляды и быть политически активными не только в Интернет-пространстве, но и в реальной жизни, что, в свою очередь, по мнению М. Кастельса, «позволяет развиваться обществу унифицировано за счет того, что информация заставляет людей одновременно совершать определенные действия, предоставляя веру в правильность этих действий» [9].

[4] A list of official White House accounts [Electronic resource] // WhiteHouseAccounts. URL: https://twitter.com/WhiteHouse/lists/whitehouseaccounts/members (date of accesses 23.07.2016).

[5] Касьян А. Обама vs. Ромни: избирательная кампания в США в основных фактах [Электронный ресурс] // Forbes. 02.11.2012. URL: http://www.forbes.ru/sobytiya-slideshow/192391-obama-vs-romni-izbiratelnaya-kampaniya-v-ssha-v-osnovnyh-faktah/slide/1 (дата обращения: 23.07.2016).

[6] Франц Д. Трамп и Сандерс, ваши сети притащили голоса [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 16.05.2016. URL: https://lenta.ru/articles/2016/05/16/onlinepolitics/ (дата обращения: 23.07.2016).

[7] Там же.

[8] Hillary Clinton Email Archive. Cairo Update 1400 HRS February 4 [Electronic resource] // WikiLeaks. URL: https://wikileaks.org/clinton-emails/emailid/28884 (date of accesses 23.07.2016).

Как отмечает американский политолог Д. Най, в международном политическом пространстве следствием широкого распространения информационно-коммуникационных технологий стало перераспределение власти «от крупных корпораций к неформальным группам» [10, с. 21], от легитимных институтов к индивидуумам. Данная тенденция не означает ослабление влияния национальных государств, «правительства будут оставаться наиболее мощными акторами на мировой арене, однако эта арена стала более многолюдной» [10, с. 21]. Подтверждением являются примеры деятельности команды Wikileaks и Э. Сноудена, которые посредством Интернета создали собственные сообщества и коммуникационные сети, став политическими субъектами в глобальном пространстве и оказав влияние на международные политические процессы.

Еще одним субъектом политических процессов становятся неофициальные группы, такие террористические организации, как, к примеру, запрещенная в России группировка ДАИШ, которая стала столь масштабной во многом благодаря грамотной пропаганде посредством Интернет-медиа, отработанной еще в 2004-м, когда «прародители» ДАИШ размещали видеозаписи с обезглавливаниями американцев Н. Берга и Ю. Армстронга в Интернете, что вызвало широкий резонанс в мировых СМИ. Тогда же саудовское отделение Аль-Каиды начало издавать прототип современного электронного журнала Dabiq – «Голос джихада» [1, с. 56]. Сегодня террористы умело используют социальные сети: создают аккаунты и группы в Facebook, Twitter, Telegram, не менее популярной оказывается платформа YouTube.

Обобщая вышесказанное, отметим, что благодаря повсеместному распространению устройств, приложений и предоставлению равного доступа к информации и коммуникации, Интернет стал глобальным эгалитарным пространством, объединившим людей и предоставившим пользователям равные и новые возможности, что в свою очередь привело как к медийности политических процессов, к перераспределению власти и появлению новых акторов в политической сфере, в том числе и на мировой арене, так и к технологическим способам контролирования общественного мнения. Как нам представляется, современную информационную эпоху можно определить как период, в котором информационно-коммуникационные технологии стали неотъемлемой частью политики и международных политических процессов, а властные отношения в значительной степени определены рамками коммуникационного пространства. Как справедливо отмечает М. Кастельс, «коммуникационные платформы играли решающую роль на каждом уровне человеческой эволюции, однако в сетевом обществе мультимедиа обладают беспрецедентным влиянием» [8, с. 488]. Посредством медиа выстраивается коммуникация, которая подразумевает уже не одностороннюю передачу информации от СМИ к читателям, от элит к массе, от политических институтов к избирателям, а включает в себя самые разнообразные как формальные, так и неформальные коммуникационные процессы; а информационные обмен и взаимодействие осуществляются не только вертикально – от представителей власти к гражданам и от граждан к госслужащим, но и горизонтально: среди граждан и среди институтов власти. Если обратиться к системным подходам Д. Истона, Г. Алмонда, К. Дойча, то на их основе предлагаем воспринимать информационное пространство, формирующееся посредством медиа, как «внешнюю среду», в которой субъекты политической коммуникации разнонаправлено взаимодействуют друг с другом как на региональном, так и на глобальном уровнях: пользователь – пользователь, пользователь – политические институты, политические институты – пользователь, политические институты – политические институты, и в которой происходят «прямые» и «обратные» связи: «вход–выход» информации; на основе данных, которые поступают из «внешней среды», правительство принимает решения и вырабатывает дальнейшую политику.

В силу информационных возможностей, которые предоставляет Интернет (снижение стоимости хранения и передачи информации, увеличение доступа широких слоев населения к большому объему данных, глобальное и мгновенное распространение информации, постоянная возможность оставаться на связи и иметь доступ к обновляющимся новостям), взаимный обмен данными и обратная связь (реакция на поступающую информацию) происходят не только между субъектами одной «ячейки» (к примеру, среди пользователей социальных сетей или среди госслужащих), но и между всеми участниками информационной среды. Иными словами, правительство «обменивается информацией» и принимает решения («обратная

связь»), взаимодействуя не только с институтами власти, но и с гражданами, с массмедиа, а акторами, играющими значимую роль, сегодня являются не только институты и ТНК, но и СМИ, политически-активные граждане. При этом, в силу того что «внешняя информационная среда» эгалитарная, у «неофициальных» групп и массмедиа, граждан есть возможность влиять на предпочтения и решения различных политических субъектов, в том числе на глав государств. Как отмечает А.К. Идаятов, посредством массмедиа и информационного давления можно оказать влияние на исход вооруженных конфликтов и принуждать государства к каким-либо действиям [3, с. 164]. Таким образом, важным свойством политической коммуникации как в рамках одного государства, так и на международной арене посредством современных медиа являются практические безграничные возможности по выстраиванию сетей взаимодействия.

В целом можно сделать вывод, что Интернет и массмедиа сегодня не только сфера распространения информации и инструменты коммуникации, но и информационно-коммуникационная подсистема, которая приобретает исключительное значение в политической системе, предоставляя гражданам возможность быть политически активными и выражать свою позицию, а госслужащим – демонстрировать открытость власти, формируя ощущение легитимности, ее транспарентности, в то же время используя медиа как инструмент для реализации политических целей. При этом коммуникация и влияние на общественное мнение происходят не только между субъектами одной политической системы, но и между субъектами разных политических систем, как среди граждан различных стран, так и среди представителей власти.

Таким образом, полагаем, что медийность – неотъемлемая часть современных политических процессов: в связи с изменением роли информации и широким распространением Интернета в современном обществе, социальные, политические процессы тесно связаны с информацией и широко освещаются в СМИ как проводниках этой информации, что стало причиной возрастающей роли медиа в политических процессах. Развитие информационно-коммуникационных технологий повлияло не только на способ коммуникации граждан, став неотъемлемой частью общественной жизни, но и на внутриполитические процессы и мировую политику в целом, обозначив несколько тенденций: попытки властей ограничивать Интернет и манипулировать общественным мнением, появление новых акторов, и как следствие – перераспределение власти и бóльшая транспарентность политики, так как легитимность власти сегодня во многом формируется посредством грамотного выстраивания коммуникации с гражданами.

1. Вайс, М., Хасан, Х. [Weiss M., Hassan H.] Исламское государство: Армия террора [Текст] / М. Вайс, Х. Хасан. Пер. с англ. М.: Альпина нонфикшн. 2016. 346 с.

2. Доклад о мировом развитии «Цифровые дивиденды» [Электронный ресурс] // Группа Всемирного банка. 2016. 58 с. URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR2016Overview-RUSSIAN-WebRes-Box-394840B-OUO-9.pdf (дата обращения: 10.08.2016).

3. Идаятов, А.К. Медиакратия и ее роль в урегулировании политических конфликтов (на примере российско-грузинского конфликта 2008 г.) : дис. ... канд. полит. наук [Электронный ресурс] / А.К. Идаятов. URL: http://vak.ed.gov.ru/dis-details?xPARAM=168920#_48_INSTANCE_bnjzLTB5kqgT_=http%3A%2F%2Fvak.ed.gov.ru%2Faz%2Fufx.html%3F%2Fais%2Fvak%2Fidc2%2F%26 (дата обращения: 10.08.2016).

4. Лебедева, М.М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов [Текст] / М.М. Лебедева // Международные процессы. 2015. № 4. С. 45–56.

5. Савчук, И. Отъявленный программист: лайфхакинг из первых рук [Текст] / И. Савчук. СПб.: Питер, 2016. 272 с.

6. Сурма, И.В. Глобальный наднациональный актор международных отношений и его социальная философия [Текст] / И.В. Сурма // Мировая политика. 2013. № 4 (31). С. 141–150.

7. Сурма, И.В. Цифровая дипломатия в мировой политике [Текст] / И.В. Сурма // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 49. С. 220–249.

8. Castell, M. Switching power: Rupert Merdoch and the global business of media politics [Text] / M. Castells // International Sociology. 2008. № 28. P. 488–513.

9. Castells, M. The power and identity: the information age: economy, society, and the culture [Text] / M. Castels. John Wiley and sons. 2011. 585 p.

10. Nye, J.S. The Information Revolution and Soft Power [Text] / J.S. Nye // Current History. 2014. № 113 (759). P. 19–22.

11. Surma I. V. Publishing the Boundaries of Digital Diplomacy: The International Experience and the Russian Practice [Текст] / I.V. Surma // Proceedings of the 11th Int.Conf. on Cyber Warfare & Security,

Boston, 17–18 March 2016, Boston University. 2016. P. 304–311.

References

1. Vajs M., Hasan H. (2016) Islamskoe gosudarstvo: Armija terrora. Moscow, Al'pina non-fikshn, 346 p. [in Rus].

2. Doklad o mirovom razvitii "Cifrovye dividendy"(2016) Gruppa Vsemirnogo banka. 58 p, available at: http://documents.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR2016Overview-RUSSIAN-WebRes-Box-394840B-OUO-9.pdf (accessed 10.08.2016) [in Rus].

3. Idajatov A.K. (2014) Mediakratija i ee rol' v uregulirovanii politicheskih konfliktov (na primere rossijsko-gruzinskogo konflikta 2008 g.), available at: http://vak.ed.gov.ru/dis-details?xPARAM=168920#_48_INSTANCE_bnjzLTB5kqgT_=http%3A%2F%2Fvak.ed.gov.ru%2Faz%2Fufx.html%3F%2Fais%2Fvak%2Fidc2%2F%26 (accessed 10.08.2016) [in Rus].

4. Lebedeva M. (2015) *Mezhdunarodnye processy,* no. 4, pp. 45–56 [in Rus].

5. Savchuk I. (2016) Ot'javlennyj programmist: lajfhaking iz pervyh ruk. Saint Petersburg, Piter, 272 p. [in Rus].

6. Surma I.V. (2013) *Mirovaja politika*, no. 4 (31), pp. 141–150 [in Rus].

7. Surma I.V. (2015) *Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik,* no. 49, pp. 220–249 [in Rus].

8. Castells M. (2008) *International Sociology*, no 28, pp. 488–513 [in Eng].

9. Castells M. (2011) The power and identity: the information age: economy, society, and the culture. John Wiley and sons. 585 p [in Eng].

10. Nye J.S. (2014) *Current History*, no 113 (759), pp. 19–22 [in Eng].

11. Surma I.V. (2016) Proceedings of the 11th Int. Conf. on Cyber Warfare & Security. Boston University, pp. 304–311 [in Eng].

UDC 32.019.5

MEDIA CONTENT AS A PECULIARITY OF PRESENT-DAY POLITICAL PROCESSES

Marinovich Anna Nikolaevna,
Ural Federal University named after the first president of Russia B.N. Eltsin,
Institute of Social and Political Sciences,
Teaching assistant of the Department Chair of Political Sciences,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: anna.marinovich@urfu.ru

Annotation
The article considers tendencies of media content of political processes. The author describes changes taking place in politics because of the development of information and communications technologies. In the end the author makes a conclusion about a great role of information and communications subsystem in the present-day political system.

Key concepts:
political process,
media content,
information technologies,
Internet.